

18+

Александр Крылов

**О плотницком деле,
тайнах и любви**

Александр Крылов

**О плотницком деле,
тайнах и любви**

«Издательские решения»

Крылов А.

О плотницком деле, тайнах и любви / А. Крылов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981307-7

Историко-приключенческий роман о событиях с 1985 по 1996 год. Герой проходит путь от простого плотника до преуспевающего бизнесмена, всё время пытаясь оставаться самим собой. Но чудес на свете слишком мало. И не всё случается так, как того бы хотелось... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-981307-7

© Крылов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

О плотницком деле, тайнах и любви

Александр Крылов

© Александр Крылов, 2020

ISBN 978-5-4498-1307-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Константин с детства очень любил овсяное печенье и молоко из пакета за шестнадцать копеек. Молоко он не кипятил и не грел, брал треугольный пакет из гремящего, словно трактор, холодильника «Саратов», надрезал его, наливал содержимое в обычный гранёный стакан и делал несколько больших глотков, потом доставал из длинной коробки овсяное печенье, с наслаждением откусывал и запивал молоком. В последнее время он предпочитал всё это любому другому раннему завтраку. И в это утро не стал изменять своей привычке. Неторопливо жуя печенье, подошёл к окну, выглянул на улицу. За окном было темно, уличные фонари ещё не погасли, вдоль Тверского бульвара с нарастающим громким воем мчались троллейбусы. Посмотрел на часы – без четверти семь, времени достаточно. Сегодня он проснулся сам, без радио, которое обычно включал на полную громкость. Гимн Советского союза, звучавший ровно в шесть, был лучше всякого будильника. По радио тем временем диктор читал сводку утренних новостей. Судя по всему, в стране был полный порядок и покой. С удоями в коровниках Приморья и Оренбургской области было все отлично. Шахтёры Донбасса вновь приняли повышенные соцобязательства, ЦК КПСС боролся за мир во всём мире. Видимо с этой целью накануне Горбачёв впервые встретился с Рейганом в Женеве, диктор сообщал об этом приподнятым, по-утреннему бодрим тоном. Потом как-то вскользь прошёлся по Афганистану, который теперь очень нуждался в помощи, судя по всему, у какого-то кишлака Аффридж был нешуточный бой, так как обычно дикторы не упоминали название местности афганских провинций. Сделал было чуть громче, потом убавил звук – пусть мурлычет еле слышно. Подсел к столу, пробежался взглядом по всему, что пытался писать накануне в толстой тетради. Вообще его мечтой было написать роман о современной жизни, но роман никак не складывался, и все сюжеты сами собой выходили пока короткими рассказами. Потом он и вовсе принялся сочинять что-то про рыцаря, путешествующего во времени. Получавшаяся фантастика ему не нравилась. А к бумаге его тянуло. И тогда он решил вести дневник. Не с тем, чтобы описывать «рутину будней», но заносить в дневник лишь короткое описание того, что ощущает душа в отдельные мгновения жизни или описывать события, происходящие в стране. Он не проставлял точных дат. Просто обозначал как рубрику, например «Март 85-го, и ниже, – умер Константин Черненко, новым Генеральным секретарём назначен Михаил Горбачёв. После прежних старцев выглядит он молодо и энергично. Ездит по предприятиям, встречается с людьми, много говорит. Журчит – не остановишь, правда не всегда понятно, о чём он говорит». Но в целом в стране мало что происходило значимого с точки зрения Кости. Может быть еще и поэтому в последние дни толком вовсе не писалось. И рубрика оставалась пустою... Впрочем, сейчас это было не главное. Главным было письмо в незапечатанном конверте. Костя перечитал его в который раз, затем аккуратно заклеил конверт и уложил во внутренний карман пиджака. В коридоре затопали, послышались детские голоса и терпеливый, ласковый женский голос – соседка повела своих детей в детский садик. Решив, что высидивать дома до выхода на работу нет смысла, Костя оделся и вышел на улицу.

Он жил в доме на углу Малой Бронной и Тверского бульвара. А работал плотником в гостинице «Интурист», что на улице Горького. Обычно Костя ходил до работы пешком напрямик по улице Герцена или проезжал несколько остановок на троллейбусе. Но сегодня, несмотря на холодный ветер, решил прогуляться. «Я же хотел начать новую жизнь, подумалось ему, – вот прекрасный повод. Пораньше встал, утренняя прогулка опять же только на пользу, пройду по Тверскому, как Пушкин когда-то прогуливался от самого начала и до конца!» Про то, чтобы начать «новую жизнь» Константин Раевский подумывал часто. Правда, не до конца мог сформулировать для себя полностью, что же именно эта жизнь должна содержать, и с чего именно её надо начинать. То, что перемен хотелось, чувствовалось всё отчётливее. Но дни проходили,

а перемены всё не наступали. «Неужели ничего больше не случится?» – частенько спрашивал он себя. Ответа не находилось. И он продолжал жить ожиданием перемен, в надежде, что эти перемены будут только к лучшему!

Дойдя до магазина «Ткани», перешёл на другую сторону, поднялся по ступенькам к памятнику Тимирязеву, и двинулся по центральной аллее Тверского бульвара, заложив руки за спину. Холодный ветер, спутник осени, гнал по дорожке сухие листья, деревья размахивали голыми ветками, словно провожали их, в воздухе чувствовалось дыхание зимы. Для Кости это время года всегда ассоциировалось с городом, опустевшим перед нашествием вражеских солдат. В порывах холодного ветра ему чудился скрип петель мотававшейся незапертой двери дома, брошенного хозяевами, в шелесте опавшей листвы – тихий говор немногих оставшихся в городе обывателей. Себя он ощущал одиноким путником, неким рыцарем на коне со звенящей сбруей и доспехами, волею судеб попавшим в тот город и думающим, что всё происходящее его лично не касается, и что для него во встрече с врагом нет никакой опасности. Тогда исчезали шумевшие вдоль бульвара троллейбусы, пропадали шедшие навстречу прохожие и он был один в пустом, притихшем в напряжённом ожидании городе. Цокот копыт его коня гулко звучал по мостовой, и лишь ветер, завывая и кружа поземкой, мчался впереди. Константин уносился мыслями в этот город и представлял себе улицы и переулки, заходил в опустевшие дома, построенные из белого камня, дворики, узкие словно колодцы, пытался найти кого-то из людей, но не встречал их. Только лишь слышал за спиной испуганный тихий шепот. И вновь шёл, и шёл дальше. Такие ассоциации навевало на него предзимье последних дней осени.

Костя почти дошёл до конца бульвара и, перейдя через дорогу, направился к магазину «Армения», но, немного не дойдя до входа, обошёл его со стороны бывшей мастерской художника Коненкова. Проходя мимо мастерской, он часто представлял себе, что в ее глубине сидит старик с длинными волосами и окладистой бородой – сам художник. Тот, всю жизнь создававший композиции из дерева, и теперь, сидя, опирался на большой чурбак округлой формы. Большая, натруженная кисть, руки ладонью вниз, как будто любовно поглаживала свежий срез. Косте представлялось, что старый художник тоже знает про опустевший город, и что он один из немногих, кто не боится в нём остаться.

Глава 2

Наверное, своя тайна есть почти у каждого человека. Тайны бывают маленькие и большие, страшные и не очень. Некоторые люди мучаются под грузом своих тайн, другие же упиваются ими, третьи просто не обращают внимания на степень их глубины и значимости, живут себе в своё удовольствие, строго следя при этом за тем, чтобы никто лишний не знал о них. Иногда тайны просто рвутся на свет, и людям стоит больших трудов сдерживать их. Как только человек рождается и делает первые осмысленные шаги, появляются и они – тайны его души или поступков. Люди становятся старше, и становятся старше и глубже их тайны. Впрочем, иногда они исчезают, перестав внезапно тяготить своим присутствием их обладателя. Но, как правило, не на долго... Так как слаб человек и не всегда может устоять перед искушением не сотворить новое тайное.

Была своя тайна и у Константина. Вероятно, правильнее было бы сказать, что у него было несколько тайн. В общем-то они его не очень мучили и докучали. Если бы не отдельные моменты в жизни, когда тайны напоминали Косте о себе и тем самым приводили его в смятение, мешая воплощению жизненных планов или существенно осложняя их. Дело было в том, что родители Константина были диссидентами. Правда так их стали называть позже. А тогда они были просто антисоветски настроенными элементами... Они уехали из Союза, когда Костя только окончил школу и поступил в институт. И не просто уехали, а их, как бы это сказать помягче, попросили это сделать, и так, чтобы никогда в СССР не возвращаться. И как только они уехали, у Кости сразу же начались в жизни сложности, а вслед за этим, чтобы постараться по возможности их избежать, начал он создавать свою тайну. И как ему казалось, преуспел в этом. Из института, где неплохо учился, ушёл, из Ленинграда, где жил вместе с родителями до их отъезда, уехал, призвался в армию. С армией, правда, получилось не всё гладко. Попал Константин служить в секретные войска. Кто-то пропустил его документы в военкомате, а может и не военкомате это случилось, а на сборном пункте, в общем, как так вышло было неизвестно. Военская часть была настолько секретной, что иногда одно её подразделение толком не знало, что делает другое. Само собой, что в этой части был и свой особый отдел. И стоял этот отдел на страже тайн государственных, и не отделял он тайну государственную от личных тайн несознательных граждан, пытавшихся эти самые личные секреты от него скрыть.

Особист капитан Кукреев не зря ел свой хлеб. Про каждого солдатика вверенной ему части наводил капитан справки, все их мелкие тайны соразмерял с одним большим государственным секретом, и, если надо, – принимал меры. Правда, справедливости ради надо заметить, что меры свои Кукреев применял с умом. Без оголтелого фанатизма и рвения в поиске «вредителей и диверсантов». Может быть поэтому в свои «за тридцать» всё ещё был капитаном... Дошла очередь и до Константина. Разузнал капитан про Костину тайну. «Вот суки, коллеги военкоматские – подумалось Кукрееву – проглядели, пропустили гады! А мне теперь коноёбиться!» Он полистал личное дело найдёныша, поспрашивал о Раевском отцов-командиров, и вызвал того к себе.

– Слушай, боец, – доверительно зажурчал капитан, как только Константин вошёл в опер часть и сел напротив. – Я знаю про твоих папку с мамкой всё.

– Всё-всё? – спросил Костя с тоской в голосе.

– Всё-всё, – мотнул насмешливо головой капитан, доставая сигарету и протягивая пачку Косте, – но ты не бзди, боец, я-то вижу, что шпион из тебя никудышный. А вот начальство моё может на это дело посмотреть совсем для меня неуютно. Так что давай так: ты помалкиваешь о нашем разговоре, а я организую твой перевод из нашего полка в другую часть, попроще. Скажем, в роту обеспечения аэродрома. Ну что, годится?

– А у меня есть выбор? – вырвалось у Константина.

Капитан хмыкнул и чиркнул спичкой. Раскурил сигарету, пустил тонкую струйку дыма куда-то вбок.

– Правильно мыслишь. Выбора нет. Ну, то есть не совсем чтобы нет, в стройбат еще можно. Но я бы не советовал. Итак, я организую, перевод в другую часть, а ты помалкиваешь. Просто никому. – Кукреев произнёс это по слогам, – не рассказываешь о нашей встрече. Годится?

Костя кивнул головой. Так у него появилась ещё одна тайна, а капитан Кукреев избавился от возможных неприятностей, да заодно сумел соблюсти и требования сохранения гостайны. Распоряжением штаба армии перевели Костю в охрану близлежащего аэродрома. И не просто в охрану перевели, а на всякий случай, чтобы не дай Бог, не рассмотрел он чего-нибудь лишнего на аэродроме, охраняя его, отправили его служить на конюшню, ухаживать за лошадками, на которых караульные объезжали охраняемую территорию. Так и прослужил все два года Константин Раевский на конюшне, а как службу закончил, вернулся в Москву и поселился у бабушки Эли.

Бабушка Эльвира Самуиловна была очень добрым и хорошим человеком. Она была еврейкой, а поэтому, по её же выражению, жила в квартире на Малой Бронной «на особом положении». Из соседних коммунальных квартир дома, где она жила, в Израиль уехали многие еврейские семьи, а освободившуюся жилплощадь тут же занимали их соседи. И соседи бабушки Эли ждали, ох как ждали, что подается она на историческую родину. Вида не подавали. Без особой злости, вяло так, скорее, по привычке к российскому антисемитизму, ей вслед поглядывали и ждали. Но не дождались они никаких для себя выгод, незадолго до смерти прописала бабушка Эля на свою жилплощадь внука Костика. Когда бабушка умерла, Костя принял от неё по наследству ещё одну тайну. Этой тайной теперь становилась сама бабушка Эльвира и все её давно умершие еврейские родственники, а заодно и её муж, Костин дед, который хоть и был чистых кровей казак, правда вот с происхождением подкачал. Родом он был из семьи казачьего есаула, и жила вся семья в станице Нижнечирской под Царицыном, некогда бывшей центральной станицей Второго Донского округа, Области Войска Донского. После революции, возвратившись с германской домой, дед боролся с красными. Борьба была лютой. Только в 1920-м году установилась в станице советская власть. Потом аж до 1932-го пытался скрываться от большевиков, да не повезло ему, и совсем молодым сгинул из-за своего происхождения и прошлого в сталинских лагерях. Жена его уехала в Москву. Так и прожила молодая Эльвира со своей дочерью Милой, Костиной будущей матерью, в Москве, скрывая свою тайну о сгинувшем муже до самого своего смертного часа. Иногда она рассказывала внуку о своем житье, как работала сразу в нескольких местах, она была преподавателем английского, как умудрилась даже преподавать язык на курсах при НКВД! И никто и никогда тогда так и не прознал про ее тайну, что по тем временам, конечно же было просто невымыслимо.

Ещё не было восьми часов, а Константин был уже на работе. Уже полтора года он работал плотником в гостинице «Интурист», располагавшейся в самом начале улицы Горького. Устроился он туда по великому благу, организованному покойной бабушкой Элей. Косте надо было решить. Либо идти работать на конюшню в Битцевском парке, либо кочегаром в санаторий ВМФ, либо плотником. Константин долго не раздумывал, решил идти работать плотником. С деревяшками он привык возиться с детства, руки у него были неплохие, ничего особо сложного делать не приходилось. Работа его не тяготила. Начальник АХЧ гостиницы «Интурист» Семёнов, досиживал последние месяцы до пенсии, полностью поглощённый своими семейными заботами, к Раевскому особенно не приставал, да и нравилось ему, как тот работал. Всегда ответственно подходил к делу, не отлынивал, и руки у Кости были, что называется, «на месте». Был у Кости и напарник дядя Ваня (в миру – Иван Букаев) также предпенсионного возраста, человек своеобразный и слегка, по его собственному выражению, пьющий. В прошлом дядя Ваня был знаменитым на всю Москву жокеем и со своей кобылой Соней брал

не один приз на Московском ипподроме. Но по его собственному выражению он нашёл в себе силы порвать с миром «страстей и чистогана» и встать на путь истины. Что скрывалось под словом «истина» толком объяснить у него не получалось никогда. В подвале, или в, как его именовала дирекция, «цокольном этаже», где была мастерская плотников, рядом, в комнатке поменьше, располагались электрики. Дальше шли разные подсобные помещения, но в них Костя никогда не бывал. Кроме этого, в подвале гостиницы постоянно крутился ещё один человек – таксист Жора Сумкин. Он не катался по городу, как другие, не «подметал тротуар», как любил сам говаривать, всегда ждал «единственного, своего, сладкого пассажира, который и денег насыплет сразу на половину, а то и на весь план, и ещё на кармане останется». Эти «сладкие пассажиры» попадались, судя по всему, Жоре достаточно часто, и в основном по вечерам или ночам. А днём, после двенадцати, Жорик обычно появлялся в подвале. Был он человеком весёлым, общительным и шумным. Всегда имел наготове свежий анекдот или какую-нибудь шутку. Сегодня он появился в широком подвальном коридоре в неурочное время. Он шумно шел навстречу Косте.

– Здоров, молодой, – хлопнул Константина по ладони и отдал ему честь, приложив свою ладонь к козырьку кепки, – свежий анекдот хочешь? Сегодня пассажир рассказал. Короче, в кабинете директора цирка звонок. «Алле? Вам нужна говорящая лошадь? И не бросайте сразу трубку, думаете легко набирать копытом номер!», – он громко засмеялся.

Костя расхохотался тоже.

– Умеешь ты поднять настроение, Жора. Ладно, пойду, заявки заберу.

Забрав заявки на плотницкие работы, Константин спустился в мастерскую переодеться. Неожиданно там он застал своего напарника. Вообще дядя Ваня работал через день, но сегодня, несмотря на законный выходной, сидел в столярке на табуретке напротив маленького зарешёченного оконца и внимательно смотрел на картинку полуобнажённой девицы, неизвестно кем и когда вырванную из одного зарубежного журнала и прикрепленную к стене с помощью клейкой изоленты. И еще Костя заметил, что, несмотря на раннее утро, его напарник был явно выпивши!

– Дядя Ваня, ты чего, смены перепутал? – весело спросил Костя.

Дядя Ваня медленно повернул голову в его сторону, пожал плечами и вновь отвернулся к стене.

– Ты чего молчишь-то, а дядя Ваня? – вновь заговорил Константин.

– Да-а-а, не молчу я, – проговорил медленно дядя Ваня, – я вот думаю.

– О чём, о своей вечной истине? – весело предположил Костя.

Дядя Ваня презрительно смерил Костю взглядом и проговорил, явно борясь с икотой:

– Да нет, я не об истине, я вот об этой бабе на стене думаю.

– И что же ты о ней думаешь? – рассмеялся Костя

– А то думаю, что вот я уже совсем старый, а она, падла заграничная, молодая и всё мне улыбается. Сколько лет висит тут на этой стенке и не берёт её время, а меня вот берёт.

– А давай, дядя Ваня, её снимем и прищандорим кого-нибудь на стенку, кто тебя много старше, – балагурил Константин, переодеваясь в рабочую спецовку, – давай на стенку приклеим ну, скажем, фотку Миллера в роли Кашея Бессмертного, или давай товарища Маркса приклеим, а он-то точно много старше тебя и с каждым днём будет всё старше и старше. А ты будешь по утрам приходить и говорить ему: «Здравствуйте, товарищ Маркс, как там ваше ничего себе, наше – преотлично». Или, хочешь, я для тебя нашу соседку бабу Настю сфотографирую, вот тут ты точно будешь спокоен.

Дядя Ваня слушал Костину болтовню, покачивая головой. Его лицо выражало презрение к фиглярству молодого напарника.

– Эх, ладно, пойду-ка я домой, вздохнул он.

– А чего ты приходил-то, – удивился Константин, – оставайся, сейчас заявки посмотрю, и чайку сгоняем по-быстрому.

– Нет, – с пьяной решимостью мотнул головой дядя Ваня, – пойду я, устал.

Он накинул старенькое пальто и направился к двери. Возле самой двери повернулся к Косте, поманил его к себе, притянул за шею и слюняво прошептал ему на ухо:

– Костька, хороший ты парень, я тебя Христом Богом прошу, оставайся человеком, а не сукой дёрганой!

Прошептал и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Задумался Константин. Присел к верстаку, инструменты в своём рабочем чемоданчике перебирая. Никогда не видел он прежде дядю Ваню таким. То есть подвыпившим он-то его не раз видел, но вот слов таких тот ему не говорил. И потом, почему шёпотом? Странно всё это было для него. Но особенно расслаживаться было некогда. Надо было клеить дюжину поломанных стульев, поменять стекло на третьем этаже и потом ещё и заявки на ремонт, обычно к утру их бывал целый ворох. Собрав инструмент, отправился Костя наверх из подвала работать. Но прежде, чем идти, он внимательно просмотрел все заявки. Заявок было опять много. Большинство касалось ремонта замков в дверях номеров гостиницы. В общем-то, это было обычным делом. Но сегодня заявок было так много, что складывалось впечатление, будто постояльцы нарочно повадились ломать замки в дверях собственных комнат, находя в этом забавное времяпровождение. Читает Костя заявки, шелестит листочками, просматривает графу «этаж» и «Комната №», словно ищет что-то...

Глава 3

Говорить о природе любви такое же неблагоприятное занятие, как рассуждать о смысле жизни или пытаться объяснить непосвящённому глубинные процессы мироздания. Никто не знает, из чего рождается любовь и по каким причинам она порой исчезает бесследно. Большинство объяснений на эту тему сводится к жалким попыткам толкования непостижимого с помощью медицины или психологии. Костя никогда и не пытался рассуждать о природе любви. Он вообще не сразу понял, что это случилось с ним. Её звали Ирина. Она была «русская француженка», то есть из семьи русских эмигрантов, уехавших из России во время революции, и жила в номере 231 на втором этаже. Судя по всему, приехала в СССР недавно, видимо для работы в представительстве какой-то компании. Вот уже вторую неделю он начинал работу со второго этажа (благо заявки оттуда поступали регулярно) и, занимаясь чем-нибудь в коридоре, ждал, когда она выйдет из своего номера, чтобы идти по делам. Девушка появлялась обычно ровно в восемь сорок, в строгом черном пиджаке, и такой же строгой юбке, с небольшим портфелем в руке. Закрыв дверь, она перекидывала через руку демисезонное пальто и неспешно проходила мимо Константина, который изо всех сил пытался рассмотреть черты её лица, вдохнуть аромат духов, будоражащим шлейфом тянувшихся за ней. Костя был неробкого десятка, и познакомиться с Ириной не составляло бы для него никакого труда, если бы не одно обстоятельство – ему было запрещено общаться с постояльцами гостиницы, особенно с иностранцами. Тогда же в рубрике «Ноябрь» он, придя как-то домой, записал: «Я всё время пытаюсь представить себе, какая она. Что ей интересно. О чём бы мы говорили, если бы наконец встретились».

Но сегодня, наконец, случилось то, на что он надеялся. В его заявках был номер её комнаты! В заявке значилось: «Не работает шпингалет окна, невозможно открыть и закрыть окно». По инструкции он должен был ремонтировать окно в присутствии горничной. Но это не смущало Костю. Как только, как всегда, Ирина прошла мимо него, Костя поспешил к дежурной по этажу. Они вошли в её номер вместе с горничной, и Константин, дождавшись, когда горничная, прибравшись в комнате, направится наводить порядок в ванной, достал заветный конверт и аккуратно, не нарушая формы туго взбитой подушки, вложил его под наволочку. Дело было сделано, оставалось только ждать. Весь день Костя работал без устали, ремонтируя дверные замки и оконные шпингалеты. Работал, повторяя про себя текст письма, которое написал несколько дней тому назад:

«Вот уже две недели я провожаю Вас восхищённым взглядом, а Вы, проходя мимо меня, даже не замечаете этого. Я работник этой гостиницы и не имею никакой возможности заговорить с Вами, потому что это строжайше запрещено.

Вы так очаровали меня, что желание познакомиться с Вами пересилило благоразумие и подтолкнуло меня к безумному шагу – решиться написать Вам. Умоляю Вас, дайте мне шанс представиться Вам лично и хоть немного побеседовать с Вами. Предвосхищая все дурные мысли, хочу заверить Вас, я не агент КГБ и не провокатор, я простой молодой человек, окончательно потерявший голову от чувств, переполняющих моё сердце.

С уважением и надеждой Константин.

PS. Если Вы решитесь ответить согласием на мою просьбу, подайте мне какой ни будь знак, например, оставьте на столе в Вашей комнате книгу и вложите в неё номер телефона, куда бы я мог позвонить...»

Идея с письмом пришла ему в голову внезапно. И он сразу за неё уцепился. Написал несколько вариантов писем, потом долго правил, ему всё казалось, что письмо слишком длинное, потом наоборот, что слишком короткое. Но теперь, когда этот вариант письма был отдан, ему оставалось только ждать и надеяться, что девушка заметит его! Прошло несколько дней.

Костя исправно начинал работу со второго этажа и встречал по утрам проходившую мимо него Ирину. Она не смотрела в его сторону, проходя всё той же неспешной походкой, оставляя после себя аромат духов, заставлявший Костю метаться по этажу, словно раненного зверя. Наконец, в пятницу, после этой пытки столь томительным ожиданием, Константин получил заявку из 231-го номера на починку не закрывавшейся дверцы шкафа. Он, как всегда, нашёл повод встретиться её в холле этажа, а она, как всегда, прошла мимо, даже не посмотрев на него! Дождавшись её ухода, Константин, как и было положено, вошёл в 231-й номер в сопровождении горничной. На столе, возле настольной лампы, лежал томик Пушкина...

Звеневший лёгким морозцем, солнечный, последний день ноября, выпал на конец недели. Они неспешно шли по аллее Новодевичьего монастыря вдоль монастырской стены и говорили о русской истории и литературе. Им обоим казалось, что они знают друг друга очень давно. После Новодевичьего они отправились в Парк Горького, а затем в центр, в кафе «Лири», напротив Тверского бульвара. Ничто не способно было омрачить их встречу, и когда официант в кафе с некоторым вызовом спросил: «Вы уже по второй чашке кофе заказываете, и что, только кофе пить будете и больше ничего?» – Костя только рассмеялся в ответ. Затем долго бродили по Тверскому бульвару. Костя рассказывал Ирине о своих мечтах, о том, что хотел бы писать прозу и даже пересказал ей сюжеты своих некоторых уже давно задуманных рассказов; она внимательно слушала, поглядывая на него своими большими карими глазами. После и она много говорила о своей семье, бежавшей во Францию в 18-ом году из-под Коломны, о своём детстве, о том, как вышло поехать работать в СССР, говорила свободно и просто, почти без акцента, слегка грассируя и приводя этим в полный восторг Константина. Он чувствовал к Ирине полное доверие, не удержался и рассказал о своих тайнах, и, конечно же, о воображаемом городе...

Было уже поздно, когда они, не дойдя одного квартала до гостиницы, попрощались. Костя наклонился к Ирине, чтобы посмотреть ещё раз в её глаза, она подалась к нему всем телом. Долго целовались, как бы замерев в раздумье, стоит ли им расставаться. Для обоих на сегодня впечатлений от встречи было более чем достаточно. Как бы почувствовав это, девушка отпрянула от Кости и быстро пошла в сторону гостиницы по улице Горького, а он стоял и смотрел ей в след. Когда Ирина скрылась из вида, Константин побрёл домой. Первые колючие снежинки уже неслись по улицам, подгоняемые ветром, собираясь в позёмку, которая мела по асфальту, поднимаясь тугой спиралью вверх под арками ворот, ведущих к улицам Неждановой, Станиславского. Прохожие, еще не привыкшие к наступающим зимним холодам, быстро шли, поднимая воротники, кутаясь в шарфы. Снег заметно усиливался, «враг вошёл в город...» – молнией пронеслось в голове. Он шёл временами против ветра, шёл неспешно, от Телеграфа к Пушкинской площади, как бы понимая всю неизбежность наступающей зимы, а потому приберегая силы для того, чтобы пережить её. А ещё он думал, что как бы ни свирепствовали холодный ветер и колючий снег, всё это было сущей чепухой по сравнению с тем чувством, которое переполняло его, и чувством этим была его любовь к Ирине. Придя домой, он долго стоял у окна, глядя как всё усиливающийся снег покрывает белыми островами жухлую листву, собранную в кучи на газонах Тверского бульвара. Потом подошёл к столу, открыл дневник и записал в рубрике Ноябрь 85-го: «Я очень счастлив!»

Глава 4

«Мир изменился!» – эта мысль всё чаще приходила в голову Константину. Как истинно влюблённому, ему было невдомёк, что изменился он сам, а мир, в общем-то, остался прежним. Будучи счастливым своею любовью к Ирине и тем, что она отвечала ему тем же, Косте зачастую казалось, что всё вокруг него источает счастье. Они встречались вот уже целый месяц. Из гостиницы Ирина переехала в служебную квартиру недалеко от метро «Киевская». Иногда они встречались в самом начале Тверского бульвара и шли пешком до самого её дома. Прогулка получалась долгой, в конце пути лёгкий морозец начинал пощипывать щёки и кончики пальцев, пытался забраться под одежду. Горячий чай был им хорошей наградой в конце пути, а жаркие поцелуи и объятия рождали бурю чувств, которые они не пытались сдерживать... 24-го декабря Ирина улетела домой, собираясь вскоре вернуться с тем, чтобы вместе с Костей встретить Новый год. Он остался её ждать в надежде, что эти дни без неё промелькнут незаметно.

Тёмным ранним утром как обычно Константин вышел из парадного своего дома. Он не сразу заметил жёлтую Волгу-такси, нагнавшую его невдалеке от подъезда. Удивлению не было предела, когда такси вдруг замигало ему фарами и посигналило коротко и весело. Костя вначале растерялся, неужели это ему? Подошёл неуверенно поближе, дверца машины распахнулась, и из глубины салона показалось улыбающееся лицо Жоры Сумкина.

– Здорово, Костька! Вот, проезжал мимо, гляжу – ты выходишь, дай, думаю, тормознусь, всё одно по пути. Ну, давай, вали сюда!

Не переставая удивляться такому утреннему везению, Костя сел на переднее сидение Волги, Жора нажал на педаль, машина тронулась. Несмотря на раннее утро, он был бодр и, как всегда, весел. Рассказал Косте свежий анекдот, с чувством изображая его персонажей. И сам вместе с Костей громко хохотал над ним. Быстро проехали по улице Герцена, свернули на Белинского, и тут Жорик притормозил у тротуара.

– Быстро доехали, у тебя же есть время, – весело проговорил Сумкин, – давай покурим, постоим что ли?

– Ну, давай, – согласился Константин, хотя, по правде сказать, ему этого не очень почему-то хотелось.

Георгий достал из кармана пачку сигарет «Мальборо», щёлкнул зажигалкой и закурил.

– Вот гляжу я на тебя, везучий ты парень, Костька, – всё тем же весёлым тоном проговорил таксист.

– Это почему же? – спросил Константин.

– Ну как же, – отвечал Сумкин, – с француженкой познакомился, любовь, понимаешь, амур-тужур и всё такое!

– Пошёл ты Жора на хер! – резко отреагировал Константин и рванул ручку дверцы машины с желанием выйти из неё.

– Сидеть! – стальным, жёстким тоном, внезапно взявшимся непонятно откуда, окрикнул Константина Сумкин. И уже ровным голосом, без тени прежней весёлости проговорил, – я тебе не Жорик, я капитан госбезопасности Георгий Николаевич Паршин, и с тобой тут не просто так прохлаждаюсь.

Удостоверение на фамилию Паршина мотнулось перед Костиными глазами и исчезло во внутреннем кармане куртки таксиста Сумкина так же быстро, как и появилось.

– Вы что же это, гражданин Раевский, всерьёз решили, что мы вот просто так вам позволим нарушать ваши должностные инструкции, знакомиться с иностранцами, вступать с ними в интимную связь, вести антисоветские разговоры? А?! Что молчите-то? Ну ответьте мне хоть что-нибудь. Вы ж не мальчик, когда знакомились, понимали, чем это может обернуться для вас.

Сумкин-Паршин смачно затянулся дефицитной сигаретой и пустил колечко дыма в Костину сторону. Последний же, едва справившись с состоянием шока, в которое его повергло откровение таксиста-хамелеона, собрал в кучу всё своё присутствие духа и проговорил:

– Никаких антисоветских разговоров я не вёл и инструкций не нарушал! А познакомился с Ириной чисто случайно в городе, когда был не на работе.

– Ну, сучёнок, ты меня достал, – проворчал Георгий Николаевич, – он пошарил на заднем сиденье машины, нащупал пачку фотографий и шмякнул их на торпеду Волги, – на, смотри!

Пытаясь по возможности сдерживать дрожь в пальцах, Костя взял их в руки. Он увидел на фотографии копию своего письма Ирине!

– Ну что, гражданин Раевский, как говорится, «ваши карты биты...», – ерничал Паршин. – Давай так: если не хочешь продолжить этот разговор у нас в Управлении, не хочешь, чтобы мы провели у тебя дома обыск, чтобы «подшили» тебе связь с родителями твоими, антисоветчиками, не хочешь работу свою потерять, а, самое главное, если хочешь продолжать встречаться со своей французской знакомой, то тогда вот что, – Сумкин-Паршин закурил ещё одну сигарету, приоткрыл стекло машины и смачно сплюнул, – будешь мне регулярно рассказывать всё, что сумеешь у неё выпросить, а о чем спрашивать – я тебе подскажу. А сумеешь выпросить тебе придётся, иначе, брат Костя, на кукан и – того... Мне и так немалых усилий потребовалось, чтобы тебя перед начальством отмазать, они тебя сразу хотели в кутузку, шутка сказать: папаня антисоветски настроенный элемент, из страны высланный, а сынок пытается с Западом контакт установить. А я им говорю, мол, давайте парню шанс дадим искупить и всё такое, мол сын за отца не в ответе, одним, словом, можно сказать, я за тебя поручился, так что ты брат Костя меня не подводи и мне помоги. Да не переживай ты так, – Сумкин хлопнул Костю по плечу, – ну не ты первый и не ты последний!

Раевский слушал всё, что говорил капитана КГБ и пытался лихорадочно сообразить, что же ему сейчас делать, что ответить. Но ничего путного в голову ему не приходило.

– Я не буду этого делать, – вдруг выпалил он решительным тоном, мотнув головой.

– Что ты сказал? – переспросил Паршин, – «не буду?!». Что, ложная щепетильность выгнала?! Все советские люди готовы выполнить свой долг перед Родиной, а этот отщепенец – «не буду». Я смотрю, жизнь-то тебя ничему не учит! Не надоело по конюшням да столярным мастерским щемиться?! А? Да ты вообще дышишь, пока тебе Родина позволяет, мы же всё про тебя знаем, всё! И потом, ты работаешь в гостинице, которая у нас считается объектом повышенного контроля. Мы же знаем, как именно ты туда попал, и что тебя предупреждали, что можно делать, а что категорически запрещено. Да и тебя же никто не заставлял переться в чужой номер в нарушение всяких инструкций. И откуда такая наивность? Ты пришел в коллектив, где все на виду и все друг про друга всё знают! И – на тебе!

Внезапная мысль пронзила Костю: «Неужели и дядя Ваня стучит им?! Если это правда, то и про меня он им тоже всё рассказывал? А что, собственно, именно „всё“? Не про Маркса же шутки. Хотя кто их разберёт, что у них шутки, а что – нет».

– В общем, так, гражданин Раевский, – вновь жёстким, но теперь спокойным и уверенным тоном подытожил Паршин, – или Вы добровольно согласитесь на сотрудничество с нами, и тогда мы поможем вам восстановиться в институте, сменить со временем место работы, вы даже сможете жениться на вашей русской француженке, если, конечно до этого дойдёт! Или же, в случае вашего отказа, вас, как, впрочем, и госпожу Ирину Токмину, ждут очень большие неприятности! Подумайте обо всем спокойно на досуге, не рубите с плеча. О себе не хотите подумать – ваше дело. Но подумайте о любимом человеке. К чему ей-то карьере ломать. Тем более многого мы от вас требовать не станем, будете нас информировать так, для порядка. Вы свободны, идите пока, думайте, я с вами сам свяжусь – Лжетаксист затушил сигарету, повер-

нул ключ зажигания, заводя мотор и давая тем самым понять Косте, что беседа окончена, и он может выходить из машины.

Раевский вышел из такси, машина сорвалась с места и на скорости, помигав жёлтым огоньком поворотника, скрылась за углом выходящего на улицу Горького дома.

Серая муть московского зимнего утра проступала всё более явственно, пошёл снег, было холодно и снежинки, падая на только что очищенный сгорбленным дворником асфальт, не таяли, а вновь покрывали его тонкой пеленой. Дворник всё сметал и сметал снег с тротуара, а тот всё падал и падал, усиливаясь и засыпая не только асфальт, но его шапку, плечи и спину. Раевский медленно брёл по улице Белинского в сторону, противоположную той, куда уехало жёлтое такси. Он уже успокоился и мог думать. Костя знал, что посоветоваться не с кем, что решение он должен принять сам. Для него оно очевидно. Нужно лишь собраться с мыслями и духом, чтобы сделать этот шаг, столь трудный и неожиданный именно сейчас, когда как ему казалось, что мир вокруг изменился, наступили те самые перемены, которых он так ждал. И вдруг вспомнился опустевший город, захотелось укрыться в нём, пройтись по улицам, заглянуть в окна домов, постоять во двориках. Быть может туда стали возвращаться люди в надежде, что скоро враг отступит и начнется новая, счастливая жизнь...

Глава 5

Выгибаясь дугой, фирменный скорый поезд «Москва-Волгоград» медленно крался у подножия Мамаева кургана к центральному вокзалу. Пассажиры вышли в коридор купейного вагона посмотреть на величественный монумент «Родина-мать зовёт». Проходивший в это время проводник понимающе кивал головой. Молодые немцы, шумевшие в своем купе накануне вечером, теперь, притихшие, смотрели во все глаза в окна, вцепившись в вагонные поручни. Рядом с ними выделялся пожилой немец в светлом костюме, с седой шевелюрой аккуратно зачёсанной назад копной волос, открывавшей высокий лоб. Правая щека его была обезображена шрамом, шедшим от нижнего века к подбородку. Когда он положил руки на поручень у вагонного окна, стало заметно, что на левой руке отсутствуют два пальца. – Gott sei dank, Schön wider, schon wieder bin ich da... – тихо повторял он. Молодой человек, стоявший рядом, с удивлением взглянул на него. Заметив его взгляд, пожилой немец произнес довольно сносно по-русски:

– Я говорю, слава Богу я вновь здесь. Я опять приехал сюда, – он смахнул слезы и продолжил уже более твердым голосом, – я воевал тут, я был в Сталинграде, в том котле, в окружении. Мне повезло, я выжил, моим товарищам – нет. Они все погибли. Все мои боевые братья. Вот уже почти десять лет, каждый год, я приезжаю сюда. Пока жив, буду приезжать! Русские, в отличие от нас, немцев, знают здесь, где могилы их солдат... Мы – нет. Для меня Мамаев курган – тоже место, где лежат мои товарищи. Я преподаю в университете. Вот, везу с собой группу. Эти ребята со мной едут, чтобы почтить память моих погибших братьев. Не нацистов, не воевавших за Рейх, а просто убитых на войне людей, чьи родственники оплакали их, но не забыли и чтут их память. И мне важно, чтобы эти молодые ребята знали и помнили весь тот ужас, что творился тогда. Понимаете ли вы меня?

Молодой человек утвердительно кивнул головой.

– Я понимаю ваши чувства, и тоже считаю, что память об ушедших людях должна жить в сердце оставшихся живых.

Седой немец протянул руку,

– Я рад, что вы понимаете мои чувства. Меня зовут Томас Гингер, я родом из Бремена.

Молодой человек протянул свою ладонь в ответ и слегка помедлил с ответом.

– Мое имя, – секундная заминка ускользнула от внимания собеседника, – мое имя Иван, Иван Коньшев.

– Очень приятно, – пожилой немец улыбался открыто и искренне.

Произносить новое имя пока что давалось с трудом. И еще его все время беспокоил вопрос, каким был тот, чье имя теперь приходилось носить. Иван Петрович Коньшев. Все, что случилось после декабрьского раннего утра, после встречи с Паршиным, бывший Константин Раевский вспоминал часто и на разные лады. Но по какому бы кругу ни бежали мысли воспоминания о случившемся, итог был неизменен. В той ситуации выбор был невелик, да и времени рассуждать особенно не было. Он сумел не поступиться совестью, что было очень важно для него, но заплатил непомерно высокую цену. Отношения с Ириной пришлось прервать, и, судя по всему, надолго. И это не давало ему покоя, тяжелым камнем лежало на сердце, отодвигая на задний план переживания, что теперь ему предстояло начинать свою новую жизнь с абсолютного нуля при полной неопределенности перспективы будущего. Самым любопытным для Кости в его размышлениях был очевидный факт, что все произошедшие позже события, как оказалось, были predetermined много раньше! А началось все с того, что только что поступивший на должность плотника в гостиницу «Интурист» Раевский, помог сбежать от милицейской облавы двоим фарцовщикам, один из которых приходился близким другом Саше Пузыреву или Пузырю, как позже выяснил Костя, называли его приятели. Он вывел их через

запасной выход цокольного этажа, припрятав в мастерской вещи, которые те купили у иностранца. Уходя, приятель Пузыря предупредил Костю, что тот зайдет позже забрать «товар». И спустя некоторое время Александр Пузырев появился на пороге плотницкой мастерской.

Невысокого роста, в синей «Аляске» с капюшоном, отороченным мехом, в слегка потертых джинсах, заправленных в финские сапоги на каблуке с подъемом, Пузырь производил впечатление человека, у которого все в полном порядке. Он подмигнул Косте, забрал пакет с вещами, небрежно сунув его в кожаную сумку, которая висела на плече, пожал Раевскому руку и, уже уходя, бросил:

– Заходи, сосед, в гости. Бухнем, чутка пообщаемся. Я тут рядом, напротив, работаю, в анатомичке. Зайдешь в дверь слева, на вахте спросишь Пузырева с кафедры анатомии, тебе покажут куда идти. А я предупрежу.

Знакомых в Москве у Раевского было мало, поэтому пренебрегать приглашением он не стал, и после работы отправился в гости. Тот поход Костя запомнил надолго. Длинным коридором первого этажа его направили к двери с маленькой табличкой «Лаборантская». Постучав, Костя толкнул дверь и оказался в небольшой комнате с зарешеченным окном, выходящим прямо на гостиницу, в которой он работал. Справа от входа стоял добротный широкий кожаный диван с высокой спинкой, венчавшейся кожаным же валиком. Прямо перед входом у окна – стол, на столе электрический самовар среднего размера, и что-то еще, что именно Костя не успел разглядеть, так как его внимание привлекла распахнутая дверь слева. В проеме двери виднелись металлические стеллажи с уложенными на них человеческими телами с замотанными бинтами головами и конечностями. Пузырь появился в проеме двери в выдавшем виды белом халате и в тех же джинсах, в которых приходил в мастерскую, но без сапог, а в синих кедах.

– О, здоров, сосед, – он протянул Косте руку, другой одновременно прикрывая за собой дверь, – а я тут материал готовил, завтра с восьмью студентами должны быть. Ну, садись, не стой, сейчас и чаю сварганим и чего-нить покрепче! – Хозяин лаборантской открыл створку узкого шкафчика, стоящего у стены, извлек оттуда пачку чая, бутылку коньяку, лимон и пару яблок. Из холодильника достал жареную курицу, хлеб и свежий огурец. Последнее было поистине чудо, ибо с наступлением холодов, огурцы, как и помидоры, исчезали в Москве с прилавков магазинов напрочь. Тем временем электросамовар уже кипел вовсю, и гостеприимный хозяин деловито щедро насыпал заварку в заварочный чайник и, наполнив его кипятком, водрузил в центр стола.

Александр Пузырев работал старшим лаборантом на кафедре анатомии 1-го Медицинского института уже третий год. Как он туда попал, почему именно туда и кто его утвердил в этой должности, никто из его многочисленных друзей не знал. Впрочем, это никого и не интересовало. Помимо работы Пузырь учился на биофаке Педагогического института на заочном отделении. А перешёл он туда из Бауманки. Пообщавшись с Пузырем, становилось совершенно непонятно, почему он стремился получить диплом биолога. Первоначально можно было подумать, что человек находился в поиске самого себя. Или ему просто нравился процесс учебы настолько, что он наслаждался им в надежде сделать его постоянным. Часто, знакомясь с кем-либо, представлялся коротко: «Саша, вечный студент». Но позже, пообщавшись с Пузырем более длительное время, Костя смекнул, что статус вечного студента и, в общем-то, необременительная работа лаборанта давали Александру Пузыреву некие преимущества, которые были так важны для человека, живущего в советском обществе, привыкшему к единообразию мыслей и быта и мало приемлющего людей, старавшихся жить по собственным правилам. Таких правил у Пузыря было несколько. Первое правило – свобода выбора и мыслей никогда не озвучивалось, но его присутствие ощущалось во всех поступках и суждениях. Второе правило – зарабатывай много, но никогда не жалея о потраченном, иногда прорывалось в звучащей из его уст поговорке: «Деньги, как навоз – сегодня нет, а завтра – целый воз!» Чтобы

соответствовать этой поговорке, Пузырь зарабатывал много, покупая и перепродавая хорошие импортные вещи, некоторые из которых попадали к нему прямоком из той гостиницы «Интурист», в которой работал Костя. В основном это была одежда. Вещи покупали у иностранцев, останавливавшихся там, а иногда и у ее персонала, который сам приобретал их у гостей. Подобный образ жизни подразумевал большое количество знакомых, которым Пузырь перепродавал всё это дальше или через которых делал это. Знакомых было поистине много и практически во всех сферах. Этими знакомствами Пузырь периодически пользовался, так как к нему частенько обращались за помощью. Помогая связями другим, Саша Пузырев также не пренебрегал пользоваться ими и сам, не оставаясь при этом в долгу и тем самым приобретая репутацию «своего человека» во многих слоях общества, что было весьма важно в то время. Со стороны можно было подумать, что подобный образ жизни должен был бы пропитать его насквозь цинизмом и духом потребительства, что было так, но лишь отчасти. Пузырь был обаятельным и остроумным в общении, а еще, несмотря ни на что, от него всегда исходила некая человечность, чего так часто не хватает во многих людях и что так высоко ценится. Раевский быстро уловил это и сразу расположился к Пузырю, стараясь не обращать внимания на все остальное.

Налив чай гостю и себе, Пузырь откупорил бутылку конька, достал небольшие рюмки, разлил и, взяв свою рюмку в охапку огромной ладонью, проговорил, посмеиваясь:

– Ну, сосед, за знакомство!

Костя взял свою рюмку, они чокнулись и выпили.

– Рассказывай, как ты попал в этот гадюшник, – Пузырь нарезал хлеб и принялся за свежий огурец, – там же все стукачи! И горничные, и швейцары. Суки, нам вещи продают и тут же стучат.

Пузырь громко засмеялся. – Ну, просто бляди! Терпеть не могу ментов, таксистов и стукачей!

Почему все те, кого терпеть не мог хозяин лаборантской, расположились именно в таком порядке, Раевский не спросил. В ответ на вопрос Пузыря лишь пожал плечами. Рассказывать всю предысторию попадания в плотники ему казалось неуместным и долгим. Тем более человеку, которого он видел второй раз в жизни. Поэтому он ответил просто, что, мол, так получилось. Пузырь налил еще по чуть-чуть, откинулся на широком диване, пристально посмотрел собеседнику в глаза, – Ладно, чел, не хочешь говорить – не говори. Дело твое. Главное, мне кажется, что ты не их полета. И поступил с моими парнями правильно. Это ценю. Короче, я тебе должен. По серьезке. Только это хочу сказать.

Они еще выпили. В дверь из коридора постучали.

– Да, – громогласно ответил Пузырь.

Стук повторился.

– Заипали, – проворчал хозяин, встал и дернул забухшую дверь на себя.

На пороге стояли две девушки и парень.

– Ааааа, – Пузырь ехидно заулыбался – будущие звезды санитарии пожаловали, – он отступил вглубь лаборантской, – чего стоим, не проходим, открыто же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.